

Екатерина Мордвинцева

РОМАШКИ ДЛЯ НАТАШКИ

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Ромашки для Наташки / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет, 2026. – 226 с.

ISBN 978-5-524-00466-6

Быть врачом — это призвание. Быть заведующей отделением — ответственность. Быть невестой своего бывшего пациента — вызов всем правилам. Наталья справляется со всем, кроме одного: как перестать считать пульс мужчины, которого любишь, и начать просто доверять его сердцу?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00466-6

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Пролог

Субботное утро, 8 марта

Будильник зазвенел в 5:45, как всегда. Как всегда, я протянула руку, не открывая глаз, нащарила холодный корпус телефона и сдвинула ползунок «отбой» куда-то в сторону бесконечности. В комнате было серо – мартовский рассвет только начинал разливать по небу бледно-розовые чернила, но они тонули в тяжелых облаках, обещавших то ли мокрый снег, то ли просто бесконечную хмарь.

Я лежала, глядя в потолок, и перебирала в голове расписание. Обход. Обход. Анализы. Консилиум по сто третьему – у него вчера вечером подскочило давление. Потом... потом что? Потом будет еще один обход, и, если повезет, я успею выпить чашку кофе, пока он не остыл до состояния теплой бурой жидкости, которую пить уже невозможно, но все равно пьешь, потому что надо.

Пятнадцать минут на сборы. Душ, зубная щетка, минимум косметики – тональный крем, чтобы скрыть синеву под глазами, тушь, чтобы не выглядеть совсем уж бесплотной тенью. Волосы собраны в высокий хвост – так удобнее, не лезут в лицо, когда наклоняешься над картой больного или слушаешь дыхание легкими фонендоскопом.

Квартира встретила меня тишиной. Однушка на девятом этаже панельной высотки, которую я сняла два года назад, когда перевелась в эту больницу. Здесь было чисто, стерильно почти, как в операционной, – я не выношу беспорядка. На подоконнике стоял единственный цветок – старый кактус, подаренный медсестрой Ирочкой «чтобы хоть какая-то зелень была».

Кактус, кажется, был бессмертным. Я поливала его раз в две недели, и он это мужественно переносил.

На кухне я включила чайник, достала из холодильника йогурт и заставила себя съесть три ложки. Желудок привык к такому режиму – не бунтовал, не требовал большего. Кофе я налила в термокружку – серую, поцарапанную, с едва различимой надписью «Лучший доктор». Ее подарили пациенты на прошлый Новый год. Целая делегация из трех пенсионерок с гипертонией, которые пекли пироги прямо в палате, нарушая все мыслимые санитарные нормы, но делали это с такой теплотой, что у меня не поднялась рука их ругать.

Термокружка, ключи, телефон, маленький пакет со сменной обувью. Я взглянула на себя в зеркало в прихожей. Женщина тридцати двух лет в темно-синих брюках, белой блузке и черном удлиненном кардигане смотрела на меня спокойно и устало. Светлые волосы, убранные в хвост, серые глаза без блеска, тонкие губы, сжатые в привычную линию сосредоточенности. Красивая? Наверное. Раньше, в студенчестве, мне говорили это чаще. Теперь говорят реже, но я не жалеюсь. В моей профессии красота – не главное. Главное – руки. Чистые, уверенные, спокойные руки.

Я вышла из квартиры в 6:35. Лифт пах капустой и старым табаком – вечные запахи панельных домов. На улице было сыро, под ногами хлюпала каша из снега и воды, небо нависало низко и тяжело, как мокрая вата. Март в этом городе всегда был обманщиком – в календаре весна, а на деле последние судороги зимы.

Метро работало в обычном режиме, хотя утром 8 Марта народу всегда меньше. Мужчины отсыпаются после корпоративов, женщины готовятся к празднику. Я ехала стоя, прислонившись плечом к двери, и смотрела в тоннель, где мелькали огни. В голове прокручивались цифры: давление сто третьего, сахар шестого, дозировка инсулина для второго. Мозг работал как отлаженный механизм, перебирая данные, анализируя, сопоставляя.

Это называлось «клиническое мышление», и я им гордилась.

На выходе из метро меня толкнул мужчина с огромным букетом мимоз. Желтые пушистые шарики осыпали меня пылью, мужчи-

на что-то невнятно извинился и побежал дальше, прижимая цветы к груди так, будто это был самый ценный груз в мире. Я отряхнула кардиган, поймала себя на мысли, что в последний раз мне дарили цветы... когда? Я даже не могла вспомнить. Кажется, на последнем курсе университета. Однокурсник, который пытался за мной ухаживать, принес огромный букет гладиолусов – таких, знаете, торжественных, парадных. Я тогда сказала, что гладиолусы – это цветы для учителей, и он обиделся. Больше цветов не было.

Больница встретила меня запахами. В этом запахе нет ничего специфического, если вы не медик. Для непосвященного – это просто «больничный запах», что-то вроде смеси хлорки, лекарств и чего-то неуловимо тревожного. Для меня это был запах работы, безопасности, контроля. Здесь я знала, что делать. Здесь мир подчинялся правилам, а правила я выучила наизусть.

Раздевалка находилась на втором этаже, в конце коридора, мимо ординаторской. Я быстро переобулась, натянула белый халат – идеально выглаженный, сшитый на заказ, чтобы сидел по фигуре, а не болтался мешком, как у многих. Смену принимала от ночного дежурного врача – Леночки Смирновой, молодой интерн, которая смотрела на меня с обожанием и легким испугом.

– Наталья Сергеевна, доброе утро! С праздником вас! – Леночка протянула мне открытку – дежурную, с тюльпанами на обложке. – Это от коллектива.

– Спасибо, – я взяла открытку, мельком глянула на подписи. Все свои. – Как ночь?

Леночка начала докладывать быстро, чуть сбивчиво, как всегда, когда волновалась. Она была хорошим врачом, но неуверенность портила. Два поступления, одно – с инфарктом, мужчина, пятьдесят шесть лет, состояние стабильное. У сто третьего давление нормализовалось к трем утра. В четвертой палате – тихо, все спят.

– В пятой? – спросила я, открывая журнал. Пятая палата была для меня особенной. Там лежал мужчина, которого я вела уже

вторую неделю, и его состояние вызывало у меня легкое беспокойство, которое я не могла объяснить даже себе.

– Михаил Владимирович? Спал беспокойно, медсестра давала успокоительное в два часа. Но давление в норме, пульс – шестьдесят восемь.

– Хорошо. Я сейчас начну обход.

Леночка кивнула и ушла переодеваться. Я осталась в ординаторской одна, села за стол, открыла карты. Утренний обход – это святое. В восемь утра я обхожу палаты, разговариваю с каждым пациентом, смотрю в глаза, слушаю жалобы, принимаю решения. Мои пациенты знают: если Наталья Сергеевна сказала «доброе утро», значит, все будет хорошо. Я не умею говорить это по-другому.

Перед выходом я подошла к зеркалу, висящему в углу ординаторской. Поправила халат, проверила, не выбилась ли прядь из хвоста. В зеркале отражалась женщина в белом, с серьезным лицом и прямым взглядом. Моя мама, если бы она меня сейчас видела, сказала бы: «Натали, улыбнись, сегодня праздник». Но мама была в другом городе, и улыбаться мне пока не хотелось.

Я взяла фонендоскоп – он висел на спинке стула, как всегда, – и вышла в коридор.

Коридор кардиологического отделения был длинным, с выкрашенными в бледно-зеленый цвет стенами и казенными люминесцентными лампами под потолком. В семь утра здесь было тихо, только редкие шаги медсестер и приглушенный звук телевизора из какой-то палаты – кто-то из пациентов смотрел утренние новости.

Первая палата. Двое мужчин, оба после инфаркта. Я зашла, поздоровалась, спросила о самочувствии. Тот, что помоложе, – Вадим, сорока трех лет, водитель дальнобойщик – жаловался на слабость. Я послушала его, объяснила, что слабость – это нормально, организм восстанавливается.

Второй, дед Сережа, как я его про себя называла, семидесяти двух лет, бодрился, рассказывал анекдот про гаишника и скорую.

Я улыбнулась вежливо, отметила в карте, что все стабильно, и пошла дальше.

Вторая палата. Пожилая женщина, Марья Ивановна, с мерцательной аритмией. Она встретила меня жалобой на то, что «молоко в буфете несвежее». Я записала жалобу, хотя знала, что молоко привозят каждый день. Марья Ивановна любила жаловаться, это было ее способом общения. Я выслушала, кивнула, пообещала разобраться.

Третья палата. Мужчина с гипертоническим кризом, поступил вчера вечером. Состояние улучшилось, давление снизилось, он спал, и я решила его не будить. Медсестра записала показатели ночью – все в норме.

Четвертая палата. Двое пожилых мужчин, оба тихие, спокойные. Один читал книгу в очках с толстыми линзами, второй смотрел в окно на серое небо. Я спросила о самочувствии, оба ответили односложно: «Нормально». Я проверила давление, пульс, сделала пометки в картах.

И наконец – пятая палата.

Я остановилась перед дверью на секунду, перевела дыхание. Пятая палата была одноместной – привилегия, которую я иногда выбивала для пациентов, нуждающихся в покое. Сейчас там лежал Михаил Владимирович. Я помнила его историю: тридцать четыре года, архитектор, поступил с инфарктом миокарда две недели назад. У нас, в кардиологии, такие пациенты – не редкость, но этот был особенным. Не потому, что тяжелый. Наоборот, он шел на поправку хорошо. Особенным он был по другой причине.

Я вошла.

Палата была небольшой, но уютной – насколько может быть уютной больничная палата. Кровать у окна, тумбочка, стул, раковина в углу. На подоконнике стояла небольшая коробочка с карандашами и стопка бумаги – я разрешила ему рисовать, это помогало отвлечься от тревожных мыслей.

Михаил сидел на кровати, откинувшись на подушки, и смотрел в окно. На нем была стандартная больничная пижама – синяя, с белой полоской, – но почему-то на нем она не выглядела казенной. Может быть, из-за плечей – широких, несмотря на болезнь, или из-за того, как он сидел – прямо, спокойно, не сутулясь. У него были темные, чуть вьющиеся волосы, не слишком короткие, и профиль, который я, если честно, иногда ловила себя на мысли, что он красивый. Но это были непрофессиональные мысли, и я их быстро гасила.

– Доброе утро, Михаил Владимирович, – сказала я, закрывая за собой дверь.

Он повернул голову, и я встретила с его глазами. Серые, с темным ободком, очень внимательные. За две недели я привыкла к этим глазам – в них не было ни страха, который я часто видела у пациентов, ни агрессии, которую проявляли некоторые мужчины, попавшие в больницу и оттого чувствующие себя уязвленными. В них была спокойная, взрослая грусть, и еще – какой-то свет, который я не могла определить словами.

– Доброе утро, Наталья Сергеевна, – ответил он. Голос низкий, чуть хриловатый – следствие успокоительного, которое ему дали ночью. – С праздником вас.

– Спасибо, – я подошла к кровати, взяла карту, висящую на спинке. – Как спалось? В карте написано, что вы просыпались.

– Да, немного тревожился. Ничего страшного.

– О чем тревожились? – спросила я профессиональным тоном, но в душе уже знала ответ. Мы говорили об этом на прошлой неделе – его тревожило будущее. Работа, которую он оставил на середине проекта. Строительная площадка, на которой его ждали. Дом, в который он вернется один.

– Да все о том же, – он слегка улыбнулся, и в уголках его глаз собрались морщинки. – Но вы же сказали, что тревога – это плохо для сердца.

– Сказала. И повторю. Вам нужно учиться переключаться. Рисование помогает?

– Помогает. – Он кивнул в сторону подоконника. – Я вчера нарисовал вид из окна. Хотите посмотреть?

Я не хотела. У меня был обход, за мной ждали еще пятнадцать пациентов, а потом нужно было заполнять карты, корректировать назначения, обсуждать с заведующим сложные случаи. Но он смотрел на меня с таким спокойным ожиданием, что я не смогла отказаться.

– Покажите, – сказала я, откладывая карту.

Он протянул руку к подоконнику, взял лист бумаги и подал мне. Это был набросок, сделанный простым карандашом. Я не разбиралась в рисунке, но даже мне было понятно: он умеет. Вид из окна – крыша соседнего корпуса, голые деревья, клочок серого неба – был передан не просто как картинка, а как настроение. Тоска по теплу, ожидание перемен, ощущение, что где-то там, за этим серым небом, все-таки есть солнце.

– Хорошо, – сказала я, возвращая рисунок. – Вам талант помогает отвлекаться от тревоги.

– Да. Только здесь, – он слегка кивнул на окно, – природа не очень вдохновляет. Все серое.

– Весна придет, – сказала я стандартную фразу, которую говорят все врачи всем пациентам, когда хотят подбодрить.

– Придет, – согласился он, но посмотрел на меня так, будто я сказала что-то большее, чем просто дежурное утешение.

Я взяла фонендоскоп, приложила к его груди. Он послушно задержал дыхание, потом выдохнул. Сердце билось ровно, чисто, без шумов. Я слушала и чувствовала под пальцами тепло его тела через тонкую ткань пижамы. Это было нормально – я слушала сотни пациентов, это моя работа. Но почему-то именно сейчас я поймала себя на том, что считаю удары дольше, чем нужно.

– Хорошо, – сказала я, убирая фонендоскоп. – Давление?

– Сто двадцать на восемьдесят, – ответил он. – Медсестра измерила в шесть утра.

– Отлично. Сегодня еще сдадите анализы, и если все хорошо, начнем готовиться к выписке.

– Выписка, – повторил он, и в его голосе я не услышала радости. Обычно пациенты ждут этого момента с нетерпением. Он же сказал это так, будто речь шла о чем-то не очень приятном.

– Вас что-то беспокоит в связи с выпиской? – спросила я, стараясь, чтобы вопрос звучал профессионально, а не как личное участие.

Он помолчал, глядя в окно. Потом сказал:

– Не знаю. Наверное, страшно возвращаться. Там все напоминает о том, что случилось. Как я... ну, вы знаете.

Я знала. Я читала его историю. Инфаркт случился на стройке, в одиночестве, поздно вечером. Он успел вызвать скорую, но пока они ехали, успел пережить несколько минут, которые, как он мне рассказывал на прошлой консультации, показались ему вечностью. Он лежал на холодной земле, смотрел в небо и думал, что это конец.

– Это нормально, – сказала я. – После такого страшно возвращаться. Но вы справитесь. Вам нужно будет соблюдать режим, принимать лекарства, избегать стрессов. Я дам подробные рекомендации.

– Избегать стрессов, – он усмехнулся. – На стройке. С подрядчиками, которые срывают сроки, и заказчиком, который звонит в семь утра.

– Значит, нужно научиться не брать на себя все. Делегировать. Дышать. – Я говорила это, понимая, что сама не умею делать ни того, ни другого. Но для пациента – другое дело.

– Вы умеете? – спросил он неожиданно.

Вопрос застал меня врасплох. Я посмотрела на него, он – на меня. В его глазах не было вызова, только искреннее любопытство.

– Я врач, – ответила я после паузы. – Моя работа – следить за здоровьем пациентов. О своем я как-нибудь сама позабочусь.

– Понятно, – сказал он, и в этом «понятно» прозвучало что-то,